

Изъ Подольской старины ¹⁾.

VII.

Училищный съездъ въ г. Каменцѣ 1868 г. Назначеніе на должность эконома для семинаріи. Служебныя неприятности. Ректоръ прот. Княжинскій. Уходъ изъ семинаріи и служба въ кладбищенской и тюремной церкви. Возвращеніе на службу въ семинарію въ качествѣ эконома въ общежитіи. Ректоръ прот. Шмургуловъ. Смерть его. Преосв. Леонтій. Мой уходъ со службы въ семинаріи.

Въ концѣ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія начали заводиться окружныя училищныя съезды духовенства, на которыхъ должны были изыскиваться средства къ содержанію и мѣры къ улучшенію духовно-учебныхъ заведеній округа. На такой съездъ вмѣстѣ со своимъ благочиннымъ и я былъ назначенъ въ 1868 году. Съездъ былъ въ г. Каменцѣ въ маѣ мѣсяцѣ. На первыхъ еще порахъ дѣло это было незнакомое, и собравшіеся на съездъ батюшки не знали, что дѣлать и о чемъ говорить. Вопросныхъ пунктовъ для разсужденія никакихъ не дали, не было и хорошаго руководителя. Собрались мы, помню, въ помещеніе, отведенное для засѣданій. Оказалось, что не было и половины назначенныхъ депутатовъ. Нужно было избрать предсѣдателя. Избраннымъ по большинству голосовъ оказался протоіерей Троицкій. Открывъ засѣданіе, онъ окинулъ взглядомъ присутствующихъ и спросилъ съ недоумѣніемъ: „что мы будемъ дѣлать, отцы?“ Отцы могли только сказать: „А мы знаемъ?“ Съездъ такимъ

¹⁾ См. „Русская Старина“ декабрь 1911 г.

Изъ Подольской старины¹⁾.

VII.

Училищный съездъ въ г. Каменцѣ 1868 г. Назначеніе на должность эконома для семинаріи. Служебныя неприятности. Ректоръ прот. Княжинскій. Уходъ изъ семинаріи и служба въ кладбищенской и тюремной церкви. Возвращеніе на службу въ семинарію въ качествѣ эконома въ общежитіи. Ректоръ прот. Шмургуловъ. Смерть его. Преосв. Леонтій. Мой уходъ со службы въ семинаріи.

Въ концѣ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія начали заводиться окружныя училищныя съезды духовенства, на которыхъ должны были изыскиваться средства къ содержанію и мѣры къ улучшенію духовно-учебныхъ заведеній округа. На такой съездъ вмѣстѣ со своимъ благочиннымъ и я былъ назначенъ въ 1868 году. Съездъ былъ въ г. Каменцѣ въ маѣ мѣсяцѣ. На первыхъ еще порахъ дѣло это было незнакомое, и собравшіеся на съездъ батюшки не знали, что дѣлать и о чемъ говорить. Вопросныхъ пунктовъ для разсужденія никакихъ не дали, не было и хорошаго руководителя. Собрались мы, помню, въ помещеніе, отведенное для засѣданій. Оказалось, что не было и половины назначенныхъ депутатовъ. Нужно было избрать предсѣдателя. Избраннымъ по большинству голосовъ оказался протоіерей Троицкій. Открывъ засѣданіе, онъ окинулъ взглядомъ присутствующихъ и спросилъ съ недоумѣніемъ: „что мы будемъ дѣлать, отцы?“ Отцы могли только сказать: „А мы знаемъ?“ Съездъ такимъ

¹⁾ См. „Русская Старина“ декабрь 1911 г.

образомъ не состоялся. Причиною закрытія его выставили отсутствіе многихъ депутатовъ. Приѣхавшіе расписались на листъ бумаги и отправились по домамъ.

Для меня лично эта поѣздка въ Каменецъ имѣла большое значеніе. Предъ отъѣздомъ домой со сѣзда я зашелъ въ архіерейскій домъ, гдѣ экономомъ служилъ мой товарищъ по семинаріи, игумень Евменій. Разговоръ между прочимъ коснулся семинаріи. Евменій замѣтилъ, что тамъ нѣтъ эконома. вмѣстѣ со мной сидѣлъ и благочинный Добржанскій. Онъ, услышавъ новость, живо замѣтилъ: „Чего тебѣ сидѣть на приходѣ?.. Иди въ эконома“... Евменій поддержалъ его. „Да я те, говорю, не понимаю этого дѣла, да, если бы и захотѣлъ, не дадутъ мнѣ этого мѣста. Вы знаете, что прежде эта должность считалась важною и ее занимали профессора семинаріи... Положимъ, послѣдній экономъ былъ изъ духовныхъ, но протоіерей, и при томъ служилъ по выбору правленія семинаріи“. Евменій, видя мое колебаніе, рѣшительно взялъ листъ бумаги и, поднеся мнѣ, сказалъ: „Пиши“. Я написалъ прошеніе архіерею, въ которомъ выразилъ желаніе, чтобы меня имѣли въ виду, какъ кандидата, при замѣщеніи должности семинарскаго эконома. Возвратился я со сѣзда домой. За пастырскими и хозяйственными работами я совершенно и забылъ о поданномъ мною прошеніи. Разъ лѣтомъ въ самый разгаръ полевыхъ работъ (въ жниво и уборку хлѣба) мнѣ понадобилось поѣхать къ благочинному. Окончивъ разговоръ о дѣлѣ, благочинный выходитъ въ другую комнату и, скоро возвратившись съ какою-то бумагою въ рукахъ, говоритъ: „Вотъ бери указъ и спиши“... „Куда?“ спрашиваю. „Я ничего не понимаю“... „Какъ куда? Да ты же писалъ прошеніе о назначеніи тебя на должность эконома семинаріи. Вотъ и поѣзжай въ Каменецъ... Предписано немедленно явиться“... Дѣлать было нечего. Несмотря на жаркое рабочее время, я долженъ былъ тотчасъ же ѣхать, оставивъ хозяйство на племянника. Прибылъ въ Каменецъ какъ разъ въ разѣздъ учениковъ на каникулы—13 іюля. Прежде всего я представился о. ректору, архимандриту Мемнону, впоследствии бывшему епископомъ Екатеринославскимъ. Мемнонъ сказалъ мнѣ: „Слѣдуетъ необходимо явиться къ преосвященному. Поѣдемъ вмѣстѣ“.

Преосвященный Леонтій держалъ себя слишкомъ по-начальнически. Не говоря уже обо мнѣ, онъ не предложилъ даже ректору сѣсть и тотъ долженъ былъ стоять все время приѣма. Преосвященный далъ мнѣ наставленіе относительно того, какъ распорядиться семинарскими суммами, наблюдать уставъ и ничего не дѣлать самовольно, безъ разрѣшенія ректора или семинарскаго правленія. Приняли благословеніе. Я обратился къ преосвященному

съ просьбою отпустить меня на нѣсколько дней въ с. Матвѣйковцы, чтобы ликвидировать свои дѣла, сдать церковь, но онъ не позволилъ этого, а приказалъ немедленно принять семинарію и вступить въ отправление экономской должности. Какъ не по сердцу было такое владычное распоряженіе, но я долженъ былъ безпрекословно подчиниться ему. Окончить дѣла и всякіе счеты съ прихожанами поручилъ своему племяннику, молодому человѣку, а самъ принялъ семинарію, имущество и остался здѣсь.

Съ первыхъ же шаговъ службы пришлось распоряжаться громадными, по моему представленію, суммами.

Обязанности эконома были очень сложны. Онъ долженъ былъ наблюдать за зданіями и ремонтомъ ихъ, пріобрѣтать и выдавать вещи и провизію, слѣдить за служителями, принимать продукты отъ поставщиковъ, получать деньги изъ казначейства, выдавать жалованье учителямъ и вообще служащимъ въ семинаріи и мн. др. Непріятности встрѣчались на каждомъ шагу, а на первыхъ порахъ дѣлалъ еще промахи по неопытности. Такъ послѣ лѣтняго ремонта представляю, напр., въ правленіе мѣсячную вѣдомость о расходѣ суммъ. Ректоръ, протоіерей Княжинскій, рассматриваетъ ее и провѣряетъ. Оказывается недочетъ въ 1.000 рублей. Приносятъ денежный сундукъ, сличаютъ находящееся въ немъ съ выемною книгою, 1.000 рублей съ лишнимъ, дѣйствительно, не оказывается. Я чуть въ обморокъ не упалъ отъ такой неожиданности. Вышло, что какъ будто моя вина. Ректоръ подозрительно улыбается. „А что?“... „Я, говорю, не знаю, куда дѣвались деньги“...

Началъ потомъ провѣрять росписки, сличать черновыя вѣдомости и только чрезъ недѣлю усмотрѣлъ, что я въ бѣловой вѣдомости пропустилъ недостающую цифру на ремонтъ зданій.

Не мало пришлось вынести несправностей и отъ подрядчиковъ, которые были всѣ исключительно изъ евреевъ. А извѣстно, что еврей, ведя коммерцію, необходимо долженъ надуть гою. Случалось это и со мною, особенно на первыхъ порахъ, такъ какъ я еще не былъ посвященъ въ ихъ хитрости. Принялъ я разъ пудъ грибовъ. При пріемѣ присутствовалъ и инспекторъ семинаріи. Выдача провизіи записывалась въ особый дневникъ. Проходитъ дней 10—грибовъ остается совсѣмъ мало. Инспекторъ усмотрѣлъ это и замѣтилъ мнѣ, что я слишкомъ неразсчетливо расходую грибы. Я говорю: „посмотрите, Л. И., дневникъ, выдаю, какъ и прежде, по два фунта на день“. „Это не много, замѣчаетъ тотъ, но почему же такъ скоро вышелъ пудъ грибовъ?“ Дѣло скоро разъяснилось. Раскрыли его присутствовавшіе при пріемѣ служителя, недовольные на поставщика. Что же оказалось? Хитрый еврей, кладя связки грибовъ на вѣсы,

незамѣтно подъ ними положилъ и 20-ти фунтовую гирю. Вѣсбы или обыкновенные и такимъ образомъ свѣсилъ 1 пудъ, какъ и было записано въ пріемную книгу. Потомъ эта гиря незамѣтно была снята съ вѣсовъ вмѣстѣ съ грибами. Дѣло сдѣлано было чисто. Случаевъ, когда евреи поставляли недоброкачественную провизию, не пересчитать. Разъ одинъ изъ поставщиковъ, чтобы подкупить меня, приносить на праздникъ нѣсколько бутылокъ вина и ставить на столъ. „Это что?“ Еврей молча кланяется. Я понялъ въ чемъ дѣло и, чтобы показать разъ навсегда, что меня на этомъ не поймать, крикнулъ: „Что?.. я не имѣю что ли вина?.. Вонъ!“... Еврей моментально скрылся за дверью; бутылка же полетѣла вслѣдъ за хозяиномъ. Еврей этотъ на меня жаловался преосвященному, о чемъ я узналъ слѣдующимъ образомъ. Вскорѣ послѣ случившагося Леонтиій пріѣхалъ въ семинарію. Ректоръ и инспекторъ были на урокахъ. Пришлось встрѣчать преосвященнаго только одному мнѣ. На лѣстницѣ во 2-й этажъ стояли уже ректоръ и инспекторъ. Леонтиій, указывая на меня пальцемъ, сказалъ: „Слышали, что онъ дѣлаетъ? Евреевъ бьетъ“... „Я не билъ, ваше преосвященство“ и подробно все рассказалъ ему. „Хорошо, хорошо... Я порвалъ прошеніе... Да иначе съ ними и нельзя“... Подавалъ этотъ еврей и въ судъ, но ничего не вышло.—Много обмановъ было и при поставкѣ дровъ. Евреи, при кладкѣ колотыхъ дровъ въ сажени, ухитрялись украсть иногда $\frac{1}{4}$ сажени, складывая такъ, что спереди полѣнницы казались хорошими, сзади же оказывались дыры.

По мѣрѣ пріобрѣтенія мною опытности, обманы эти въ большинствѣ случаевъ обнаруживались и уже платились за нихъ сами поставщики. Представляютъ напр. муку: плохого качества, хлѣбъ, выпеченный изъ нея, признается нехорошимъ. Въ виду этого обыкновенно я отправлялся въ городъ и закупалъ, гдѣ можно было, въ счетъ поставщика хлѣбъ, негодный же отдавалъ ему.

Почти всѣ учителя семинаріи были люди недостаточные и потому рѣдко, рѣдко кто до 20-го авансомъ не бралъ нѣсколькихъ рублей въ счетъ своего малаго жалованья. Эти выдачи для памяти записывались въ особую книжку. Деньги возвращались большею частію аккуратно; но были случаи, когда и на этой почвѣ происходили непріятныя для меня недоразумѣнія. Былъ учитель N., отличавшійся коммерческими наклонностями и скопидомствомъ. Про него въ шутку говорили: „N, собирая каменъци по вулицѣ, и димъ строить“. N бралъ землю въ аренду и хозяйничалъ. Во время однѣхъ каникулъ онъ нанялъ для работы на своей фермѣ солдатъ. Пришлось разсчитывать ихъ, не хватаетъ у него денегъ. Приходитъ онъ ко мнѣ и проситъ дать 21 рубль. Я

отказываю и говорю: „N, вы сами знаете, что и мнѣ теперь деньги нужны, идетъ ремонтъ,—приходится дѣлать платежи“... Тотъ умолялъ. Пришлось удовлетворить его просьбу. Предварительно я попросилъ его дать росписку въ книжкѣ: „N получилъ отъ эконома въ счетъ жалованья 21 р.“. Онъ это сдѣлалъ, и я отсчиталъ ему 21 р. Приходить 20-е число. Я N не додаю 21 р. Онъ пересчитываетъ деньги и говоритъ: „тутъ не хватаетъ“.

— За вами должокъ числится, замѣчаю я.

— Какой?.. Не помню... Я не бралъ...

— Да, вѣдь, вотъ ваша рука, говорю я, показывая росписку въ книжкѣ. Вы сами написали, что получили.

— Нѣтъ и нѣтъ... Я не бралъ, твердилъ онъ. Такъ и пришлось поплатиться своими деньгами.

Другой подобный случай окончился хорошо.

Учитель А—чъ, прекрасный человѣкъ, предъ каникулами болѣлъ тифомъ и, не взявъ жалованья, поѣхалъ на поправку здоровья къ тестю. Между тѣмъ во время роспуска приходитъ кто-то, за суматохой я даже не обратилъ и вниманія, кто это, и просить отъ имени А—ча дать 8 рублей. Зная послѣдняго съ прекрасной стороны, я даю просителю 8 р. и записываю ихъ въ книжку на имя А—ча уже своею рукою. Приѣзжаетъ А—чъ послѣ каникулъ, получаетъ жалованье за 2 мѣсяца. Я даю ему деньги и прошу отсчитать 8 р. долга. Тотъ въ недоумѣніи... „Не бралъ, о. М., и не посылалъ никого“. Такъ и порѣшили, что кто-нибудь отъ его имени получилъ деньги обманомъ. Спустя полмѣсяца, прибѣгаетъ какъ-то вечеромъ А—чъ и говоритъ: „Простите, о. экономъ, виноватъ... Дѣйствительно, я взялъ 8 рублей“. И рассказалъ слѣдующее. „Въ день моего отъѣзда у діакона церкви женскаго духовнаго училища умеръ ребенокъ. Нужно было его похоронить, а денегъ не оказалось. Онъ обращается ко мнѣ, какъ смотрителю дома, одолжить ему нѣсколько. У меня лишнихъ не было, а потому я посоветовалъ сходить къ вамъ и попросить 8 р. въ счетъ жалованья. Теперь, просматривая книгу за іюль мѣсяцъ, смотрю, діаконъ не расписался въ полученіи денегъ. Думая, что онъ ихъ не получилъ, посылаю за нимъ и предлагаю расписаться и взять деньги. Онъ расписался, гдѣ было нужно, но 8 р. не захотѣлъ брать. „Почему?“ Онъ разъяснилъ дѣло“.

Больше столкновений и неприятностей было съ ректоромъ.

Во все время службы эконома въ казенномъ семинарскомъ корпусѣ ректорствовалъ прот. Княжинскій, человѣкъ не старый, но вдовый. Много онъ выпивалъ, былъ очень разсѣянъ и придирчивъ.

особую книжку и ежедневно представлялъ ему для расчета. И онъ же еще постоянно придирался, что это дорого, а то неправильно записано и спяна подозрѣвалъ меня въ хищеніи копѣекъ. Или ѣду въ городъ за покупкою для семинаріи провизіи. Въ семинаріи имѣлось 4 лошади, но Княжинскій проситъ меня: „возьмите Алешу (сына) и завезите его въ гимназію“. Исполняю просьбу. Кончатся уроки. Нужно выдвать обѣдъ, а меня ректоръ требуетъ. „О. экономъ, поѣзжайте въ гимназію и привезите Алешу, а то онъ пойдетъ пѣшкомъ, устанетъ, мальчикъ онъ нездоровый“... Между тѣмъ что-нибудь не ладно за ученическимъ обѣдомъ, ректоръ обвиняетъ меня. Я и говорю: „о. ректоръ, я не могу выполнять двухъ должностей заразъ“.—Столкновенія съ ректоромъ въ родѣ описанныхъ стали происходить чаще и чаще, а потому я рѣшилъ уйти изъ семинаріи и подалъ прошеніе въ правленіе объ увольненіи.

Прошеніе лежало безъ движенія съ октября мѣсяца до марта. Члены правленія неоднократно просили меня взять прошеніе обратно, но я не соглашался. По увольненіи съ должности эконома, я просилъ преосвященнаго Леонтія дать мнѣ какой-нибудь сельскій приходъ, но онъ своею резолюціею назначилъ меня священникомъ кладбищенской и тюремной церкви.

Жизнь здѣсь была спокойная и неинтересная. Разъ только произошелъ такой случай. За кладбищемъ поселились два табора цыганъ. Однажды наканунѣ какого-то праздника объявили, что къ цыганамъ поѣдетъ повеселиться вся каменецъ-подольская знать во главѣ съ губернаторомъ. Предварительно туда высланы были городовые, которые сравняли и обчистили мѣсто для стоянки и танцевъ.

Вечеромъ пріѣхали гости. Тутъ былъ и князь N. Самъ я, конечно, не наблюдалъ за происходившимъ у цыганъ, но рассказывали, что они танцевали, пѣли, играли, а потомъ начали развлекаться и городскіе кавалеры и дамы. Танцевала и кн. N, хотя и была беременна. Прогулка кончилась. По возвращеніи домой N почувствовала себя худо и на 3-й день скончалась.—Пріѣзжаетъ ко мнѣ N съ женою директора гимназіи и говоритъ, что тѣло его жены по отпѣваніи будетъ отправлено въ Кіевъ, но пока не получится разрѣшенія на это, нужно его гдѣ-либо временно поставить, и просилъ указать мѣсто. Я сказалъ, что на кладбищѣ есть одинъ открытый склепъ, гдѣ стоитъ гробъ, но рядомъ съ нимъ можно поставить и другой. N не согласился на это и такъ уѣхалъ. Похоронная процессія была очень торжественна. За гробомъ усопшей шла масса народу. Было собрано все мѣстное духовенство. Отпѣваніе въ кладби-

щенской церкви совершалъ самъ преосвященный Леонтій. Въ концѣ концовъ снова возникъ вопросъ о томъ, гдѣ временно поставить гробъ съ останками N. Преосвященный подзываетъ меня и, безъ сомнѣнія, по просьбѣ N предлагаетъ мнѣ уступить для этого комнату въ церковномъ домѣ. Домъ состоялъ изъ трехъ маленькихъ комнатокъ, а потому я осмѣлился указать на стѣсненіе меня и на непріятность сосѣдства съ мертвецомъ. Леонтій посмѣялся надъ моею боязнію и настоятельно предложилъ дать комнату. Я долженъ былъ согласиться. Усопшая N пробыла у меня болѣе недѣли. Жутко было особенно ночью. Еврейская работа, рассчитанная еще на краткость времени дѣйствительнаго пользованія ею, оказалась совсѣмъ плохую: гробъ, сдѣланный изъ сырого матеріала въ сухой, теплой комнатѣ трещалъ. Слыша это, я невольно вскакивалъ съ кровати. Пришло, наконецъ, разрѣшеніе. На кладбище явилась еврейская подвода. Евреи вынесли гробъ, который почти весь разохся, разошелся, такъ, что изъ щелей сочилась жидкость. Евреи обернули его въ какія-то тряпки, положили на возъ и повезли въ Кіевъ. Какъ они довели его, Богъ знаетъ! N послалъ сопровождать гробъ лакея и наказывалъ ему: „Иванъ, смотри за барыней!“

Одновременно исполнялъ я обязанности священника въ Каменецкой тюрьмѣ. Во время богослуженія непріятно было видѣть и слышать, какъ арестанты входили, гремя цѣпями и кандалами, въ церковь. Въ дверяхъ постоянно стояли солдаты съ ружьями, иногда не снимая головныхъ уборовъ. Разъ я было рѣшился сказать одному часовому, чтобы онъ снялъ шапку. Онъ отвѣчалъ: „я, во-первыхъ, еврей, а, во-вторыхъ, солдатъ и не имѣю права сдѣлать этого безъ разрѣшенія начальства“. — Въстѣ со мною служилъ и діаконъ. Пѣть было некому. Приглашались на клиросъ арестанты, но рѣдко были такіе, которые умѣли сносно пѣть. Какъ-то попалъ въ тюрьму за кражу лошадей псаломщикъ Гордзіевскій.

Узнавъ объ этомъ, я обрадовался, потому что не безъ основанія думалъ въ лицѣ его встрѣтить дѣятельнаго помощника въ службѣ себѣ. Обращаюсь къ нему. Онъ мнѣ отвѣтилъ: „я хоть и „злодій“ (воръ), а даромъ служить не буду“. Пришлось давать за службу 50—60 коп. Діаконъ ропталъ на меня, потому что вслѣдствіе этого ему не оставалось дохода.

Изъ числа острожниковъ много было такихъ лицъ, которыя нарочно совершали какое-нибудь преступленіе, не имѣя возможности снискать себѣ пропитаніе, и попадали въ тюрьму. Былъ у меня въ качествѣ пономаря арестантъ, молодой хлопецъ. Сидѣлъ онъ за кражу. По истеченіи срока онъ былъ выпущенъ на волю. Смотрю, дня черезъ 2—3 мой пономарь уже есть. „Почему?“, спрашиваю.

— На службу не принимаютъ, потому что въ тюрьмѣ сидѣлъ, боятся. А что я буду істи? Слапаль (схватилъ) козыняту жидивску и снова засадили“...

Въ качествѣ тюремнаго священника мнѣ приходилось сопровождать преступниковъ на эшафотъ. Это была очень тяжелая обязанность. Обыкновенно за мною заѣзжалъ приставъ, мы садились въ фазтонъ и ѣхали впередъ. За нами на старыхъ дорогахъ везли преступника.

Эшафотъ ставился на площади, находившейся въ центрѣ города. Преступника взводили на верхъ, гдѣ стоялъ палачъ (въ мое время—Вишневскій) или заступающій его мѣсто изъ арестантовъ. Палачъ подводилъ преступника къ столбу и привязывалъ его къ нему, иногда только для вида. Потомъ мнѣ предлагали сдѣлать увѣщаніе обвиненному. Я говорилъ, но почти никто этихъ увѣщаній не слушалъ, твердилъ: „я не виновенъ“. Одинъ же, помнится, сказалъ: „Я столько же виновенъ, сколько Іисусъ Христосъ, котораго распяли“. Между тѣмъ за этимъ человѣкомъ числилось много доказанныхъ преступленій, до убійства включительно, какъ значилось въ прочитанномъ протоколѣ. Выводить на эшафотъ приходилось довольно часто. Однажды выдалась такая недѣлька, что вывелъ 11 человѣкъ, иногда—по 2 въ день.

Избѣгнуть этой неприятной обязанности удавалось или за болѣзью, или за отлучкою и только однажды попросилъ начальство замѣнить меня кѣмъ-нибудь другимъ. Нужно было вывести на эшафотъ нѣкоего Крыжановскаго, бывшаго моего товарища по духовному училищу. Онъ служилъ секретаремъ казенной палаты, но въ его вѣдѣніи была касса Приказа Общественнаго Призрѣнія, завѣдывавшаго тюрьмами, больницами, богадѣльнями и др. подобными учрежденіями. Крыжановскій ухитрился изъ суммъ Приказа присвоить себѣ кушикъ въ 40.000 р., на которые онъ купилъ домъ, обстановку, выѣздъ прекрасный и т. п.

Дѣло было очень темное. Трудно было понять, какъ это онъ устроилъ. Говорили, что онъ дѣлалъ такъ. Назначалось, напримѣръ, на одежду арестантамъ 200 рублей, а онъ прибавлялъ въ требованіи 0 (нуль), у него получалась кругленькая сумма въ 2.000 р., изъ которыхъ 1.800 р. онъ опускалъ въ свой карманъ. Долго ему это сходило съ рукъ, потому что особеннаго контроля за его дѣйствіями не было, и никто его продѣлокъ не замѣчалъ. Но какъ-то онъ былъ уличенъ, отданъ подъ судъ и сосланъ въ ссылку. Не минулъ по-тогдашнему времени и эшафота.

Замѣчательное въ его жизни совпаденіе. Свадьба его дочери была назначена въ тотъ день, въ который пришлось ему быть на

эшафотъ и отправиться въ ссылку. Дочь его хотѣла получить отъ отца благословеніе въ Каменцѣ, но ее не допустили почему-то. Она догнала его по пути въ ссылку въ с. Нѣгинѣ, гдѣ и простилась съ нимъ.

Кладбищенскимъ и тюремнымъ священникомъ я былъ всего шесть мѣсяцевъ (съ марта до 14 сентября), а потомъ вступилъ въ должность эконома семинарскаго общежитія.

Преосвященный Леонтій, заботясь о благоустройствѣ духовно-учебныхъ заведеній епархіи, устроилъ при семинаріи общежитіе своекоштныхъ воспитанниковъ. На это пошло 17.000 изъ епархіальныхъ средствъ, а другія 17.000 выхлопоталъ у Синода Леонтій. На первыхъ порахъ экономомъ въ общежитіи былъ священникъ изъ ксендзовъ Рафаилъ Биньковскій. По-русски онъ говорилъ плохо, писалъ безграмотно и безъ смысла. Правильнаго понятія объ экономской дѣятельности не имѣлъ, такъ какъ ограничивалъ ее тѣмъ, что обыкновенно дѣлали сельскіе, помѣщичьи экономы, т. е. давалъ нагоняи служителямъ, иногда присматривалъ за чѣмъ-нибудь, выпивалъ, хорошо закусывалъ и спалъ. Отчетовъ о полученіи и расходованіи суммъ въ Правленіе Семинаріи не представлялъ и даже въ кладовую выдавать продукты не ходилъ, а поручилъ это дѣлать комиссару, который злоупотреблялъ этимъ правомъ: пищу ученикамъ давалъ плохую, кормилъ своихъ свиней казенною крупю. Экономическія дѣла общежитія были страшно запутаны, что сознавалъ и ректоръ Княжинскій.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1872 года въ Каменцѣ былъ епархіальный съѣздъ духовенства, на которомъ и я присутствовалъ въ качествѣ выборнаго депутата отъ городского духовенства. На одно изъ засѣданій пріѣхалъ ректоръ и, доложивъ о неспособности Рафаила Биньковскаго, просилъ съѣздъ выбрать въ общежитіе новаго эконома, при чемъ, какъ на желательнаго кандидата, указалъ на меня. Я отказывался. Всѣ депутаты стали упрашивать меня послужить еще семинаріи. Предсѣдатель замѣтилъ: „гласъ народа—гласъ Божій... Если Вы, о. Михайлъ, въ казенномъ корпусѣ были хороши, то будете хороши и въ общежитіи. Выбираемъ“. Преосвященный, рассматривая протоколы съѣзда, былъ удивленъ моимъ избраніемъ, и даже выразилъ негодованіе. Ему не хотѣлось, чтобы я уходилъ съ кладбища и тюрьмы, гдѣ за короткое время привелъ запущенныя церковныя дѣла въ хорошее положеніе.

14 ноября я уже служилъ въ семинарской церкви, а на другой день перебрался въ общежитіе. Служить снова пришлось подъ начальствомъ Княжинскаго, который хотя и ходатайствовалъ за меня предъ съѣздомъ, но отношеній своихъ не перемѣнилъ. Разъ тре-

буеть онъ, чтобы я далъ ему 200 р. изъ суммъ общежитія до конца мѣсяца. Ему не хотѣлось вынимать казенныхъ денегъ изъ банка, чтобы не потерять процентовъ на нихъ. Я долженъ былъ согласиться и получилъ въ обезпеченіе росписку ректора на визитной карточкѣ. Наступаетъ новый мѣсяць, я знаю, что деньги изъ банка взяты, а ректоръ не возвращаетъ мнѣ долга. Я напоминаю ему, говорю, что въ общежитіи ощущается нужда, и прошу возвратить деньги. Ректоръ разводитъ руками и говоритъ: „нѣтъ денегъ... Да неужели общежитіе не можетъ дать казенному корпусу 200 р.“—„Но какъ же о. ректоръ, я это могу сдѣлать! говорю, Какъ ихъ отмѣтить въ отчетѣ? Вы сами же контролируете суммы и можете поставить незаконный расходъ на видъ“. На этотъ разъ онъ денегъ все-таки не отдалъ, а возвратилъ спустя еще мѣсяць.

Послѣ меня экономомъ въ казенномъ корпусѣ былъ назначенъ „письмоводитель“ Хращевскій. Княжинскій, намѣчая его кандидатомъ на должность, спрашивалъ меня, какого я мнѣнія о немъ. Я ничего плохого не могъ сказать. Но этотъ Хращевскій, имѣя 2.000 р. на расплату по счетамъ, растратилъ ихъ на свои нужды, что скоро и обнаружилось. Ему приходилось попасть подъ судъ, но преосв. Леонтій изъ боязни, что деньги могутъ быть тогда вовсе не внесены, предложилъ не вчинять иска, а предоставить Хращевскому по частямъ пополнять растрату. Впрочемъ, нашлись люди—учитель Александровичъ и купецъ Журавлевъ, которые внесли деньги сполна, и такимъ образомъ дѣло не получило гласности. Тѣмъ не менѣе Княжинскій и при этомъ случаѣ нашелъ возможнымъ прицѣпиться ко мнѣ. По его мнѣнію я виноватъ, такъ какъ рекомендовалъ, будто, Хращевского въ экономы.

Княжинскій старался повредить мнѣ и во мнѣніи начальства. Преосвящ. Леонтій, когда я былъ еще экономомъ въ казенномъ корпусѣ, дважды предлагалъ ректору представить меня къ камиллавкѣ, но тотъ въ наградныхъ спискахъ пропускалъ меня. Когда я былъ уже въ общежитіи, преосвященный снова напомнилъ обо мнѣ Княжинскому, но тотъ снова не представилъ меня. Леонтій усмотрѣлъ это послѣ того, какъ подписалъ списки, тѣмъ не менѣе счелъ нужнымъ вызвать ректора къ себѣ и поставилъ ему на видъ его невниманіе ко мнѣ, человѣку, заслужившему награду, такъ какъ послѣдніе ревизоры отзывались объ экономической части семинаріи съ самой хорошей стороны. Княжинскій, возвратившись отъ Леонтія, призываетъ меня и говоритъ: „а что просвистали камиллавку?“ Я невольно разсмѣялся, слыша такое выраженіе.

— Вы смѣтесь, а мнѣ за васъ архіерей выговоръ сдѣлалъ.

Почему вы не попросили меня представить васъ, почему не напомнили мнѣ объ этомъ?

— Я не имѣю нужды въ этомъ. Награды я никогда не просилъ и просить не буду, говорю. Буду достоинъ, дадутъ, а не дадутъ, не буду въ претензіи.

Княжинскій оставилъ Подольскую семинарію въ 1875 году. Въ концѣ его ректорства между семинаристами распространялись социалистическія идеи. Проводниками ихъ были нѣкоторые изъ молодыхъ учителей, но главный руководитель жилъ въ архіерейскомъ домѣ. Это былъ какой-то славянинъ, уніатъ, выходецъ изъ-за-границы. Онъ явился къ преосв. Леонтію и говорилъ, что на родинѣ ему почему-то не давали возможности приготовиться къ университету, вслѣдствіе этого онъ и перешелъ къ своимъ братьямъ по крови въ Россію. Преосв. Леонтій далъ ему пріютъ въ архіерейскомъ домѣ, посодѣйствовалъ ему въ пріисканіи необходимыхъ для подготовки книгъ. Между тѣмъ тотъ занимался совершенно другимъ. Въ архіерейскомъ домѣ бывали и собранія, здѣсь же хранились и нелегальныя книги и документы. Когда этотъ славянинъ увидѣлъ, что дѣло пропаганды поставлено хорошо, безслѣдно скрылся, укравъ предварительно у кого-то золотыя часы. Послѣ его ухода изъ Каменца семинаристы стали дѣйствовать неосмотрительно и не укрылись отъ взоровъ полиціи. Можетъ, послѣдовалъ и доносъ, во всякомъ случаѣ жандармы стали дѣлать обыски, начиная съ архіерейскаго дома. Въ саду подъ акаціей закопанными нашли и книги и брошюры. Многіе семинаристы остались подъ подозрѣніемъ. Преосв. Леонтій въ это время былъ уже въ Варшавѣ. Въ семинарію, вѣроятно, по бумагѣ викарія Веніамина, для ревизіи изъ учебнаго комитета прибылъ Миропольскій. Послѣдній предварительно побывалъ у Веніамина, многое узналъ отъ него, а потомъ приступилъ къ ревизіи. Были обвинены въ социализмъ нѣсколько семинаристовъ, изъ которыхъ одни были уволены съ очень плохимъ балломъ по поведенію, а другіе оставлены подъ замѣчаніемъ. Дѣло не имѣло особенной огласки. Тогда же Миропольскій заявилъ кощунственное дѣло о крещеніи собаки. Нѣсколько семинаристовъ поймали собачку, внесли въ комнату и окрестили ее съ именемъ Созонта (въ „честь“ учителя латинскаго языка Созонта Лобатынскаго). При этомъ все совершалось по-церковному. Ризы сдѣлали изъ зеленой клеенки, снятой со стола, нашили на нее кресты, епитрахиль и свѣчи выкрали изъ комнаты, помазывали черниломъ.

Ревизія въ учебномъ отношеніи прошла хорошо. Миропольскій остался доволенъ всѣми учителями за исключеніемъ ректора Княжинскаго, который, впрочемъ, уже выбранъ былъ въ ректора

Петербургской дух. семинаріи. И нужно думать, что это послѣднее обстоятельство было однимъ изъ главныхъ поводовъ къ неудовольствію на него. Миропольскій изъ Петербурга ѣхалъ предубѣжденнымъ противъ Княжинскаго. Дѣло въ томъ, какъ говорили, когда освободилась должность ректора Петербургской семинаріи, председатель учебнаго комитета Васильевскій старался, чтобы былъ выбранъ на нее который-нибудь изъ его зятей — Матыевскій или Левицкій. Между тѣмъ подалъ прошеніе и прот. Княжинскій, который просилъ посодѣйствовать ему своихъ хорошихъ знакомыхъ еп. Виталія (Гречулевича), его зятя Нечаева, инспектора, и прот. Янышева. Княжинскій былъ человѣкъ очень умный, и онъ былъ избранъ, несмотря на всевозможныя интриги. Даже изъ Каменца въ газеты шли сообщенія, въ которыхъ копались даже въ прошлой, студенческой жизни Княжинскаго, не говоря уже на обвиненія его въ безпросыпномъ пьянствѣ. Это избраніе, конечно, неприятно подѣйствовало на Васильевскаго, а его недовольство отразилось и на ревизорѣ Миропольскомъ, который прямо гналъ Княжинскаго въ Петербургъ. Не въ пользу Княжинскаго, кромѣ того, говорило и прошеніе, поданное Миропольскому, однимъ изъ окончившихъ за годъ предъ тѣмъ семинарію.

Какъ-то въ концѣ учебнаго года Княжинскій спросилъ его по догматическому богословію. Тотъ отвѣтилъ плохо. Въ слѣдующій урокъ Княжинскій снова его вызываетъ. Ученикъ отлично отвѣчаетъ заданное. Ректоръ предлагаетъ сказать старый урокъ.

— Я готовилъ только сегодняшній, а стараго не могу отвѣчать, говорить тотъ.

Княжинскій былъ выпивши и сказалъ: „не можешь? Вотъ видишь, былъ бы студентомъ, а теперь не будешь“.

Ученикъ этотъ былъ изъ числа очень хорошихъ, слова ректора возмутили его, и онъ въ запальчивости сказалъ: „что вы еще выдумаете съ пьяныхъ глазъ?...“ и вышелъ изъ класса, хлопнувъ дверью. Тутъ его встрѣтилъ инспекторъ Мартыновскій, который имѣлъ привычку подслушивать, что говорилось въ классѣ во время уроковъ. Онъ, поэтому, зналъ все только-что случившееся. Будучи вообще человѣкомъ добрымъ, онъ пожалѣлъ молодого человѣка и посоветовалъ идти въ больницу и, обернувши голову полотенцемъ, представиться больнымъ. Тотъ такъ и сдѣлалъ, эта хитрость спасла семинариста отъ серьезнаго наказанія; но все-таки онъ былъ выпущенъ во второмъ разрядѣ. Въ прошеніи, поданномъ Миропольскому, пострадавшій подробно изложилъ дѣло и просилъ возстановить правду. Миропольскій представилъ бумагу со своимъ отзывомъ въ

учебный комитетъ, который предписалъ правленію выдать просителю аттестатъ перваго разряда.

На мѣсто Княжинскаго выбранъ былъ въ ректоры Подольской семинаріи прот. Шмургуновъ, который, впрочемъ, ректорствовалъ всего одинъ годъ. На служебной почвѣ у насъ столкновений съ нимъ не было, но неприятностей и безпокойства надѣлалъ онъ много. Шмургуновъ былъ человѣкъ странный, ненормальный. За все время пребыванія въ семинаріи онъ ничего не дѣлалъ, журналовъ, по крайней мѣрѣ экономическихъ, не подписывалъ, такъ какъ боялся, чтобы его „не запутали“, книгъ не читалъ. По рассказамъ его жены причиною его помѣшательства были литературныя неудачи. Онъ порядочно зналъ французскій языкъ и однажды перевелъ какую-то французскую книжку на русскій языкъ. Только что онъ приготовилъ ее къ печати, какъ она появилась уже на книжномъ рынкѣ въ переводѣ другого лица. Труды такимъ образомъ пропали. То же случилось на его несчастье и во второй разъ. Послѣ этого онъ сталъ задумываться, а главное запивать, особенно по ночамъ. Въ Каменцѣ казался уже совсѣмъ больнымъ человѣкомъ, по отношенію къ себѣ былъ нерадивъ, одѣвался небрежно. Разъ у него разболѣлась отчего-то нога, что онъ не могъ надѣть сапога. Между тѣмъ нужно было служить въ соборѣ. Онъ завернулъ ногу въ первую попавшуюся подъ руку тряпку и надѣлъ калошу. Дорогою тряпка размоталась и волочилась по дорогѣ. Онъ не хотѣлъ замѣтить этого и такъ прошелъ по церкви, обративъ на себя общее вниманіе.

Ревизоръ Миропольской не вырвалъ съ корнемъ зла, пустившаго корни въ семинаріи. Соціалистическія идеи между семинаристами продолжали развиваться. Между тѣмъ полиція не дремала и разъ съ поличнымъ накрыла многихъ семинаристовъ и подвергла аресту въ тюрьмѣ. Это послѣднее обстоятельство сильно подѣйствовало на прот. Шмургунова. Состояніе его здоровья сразу какъ-то ухудшилось: онъ началъ обнаруживать странныя выходки.

Лѣтомъ въ 1876 году былъ капитальный ремонтъ семинарскихъ зданій и въ частности квартиры ректора. Вслѣдствіе этого Шмургуновъ жилъ въ наемномъ домѣ, такъ называемомъ „нѣмецкомъ“ (по архитектурѣ). У него была жена и дочь лѣтъ 11-ти. Ректоръ чудилъ и кричалъ. Женѣ тяжело было видѣть мужа въ такомъ положеніи, и вотъ она разъ приглашаетъ къ себѣ оставшихся на каникулы учителей и меня посоветовать: что дѣлать? Рѣшили, чтобы она повезла его въ Кіевъ и посоветовалась у тамошнихъ врачей-спеціалистовъ. Я нанялъ до Проскурова фазтонъ и четверку лошадей, которыя должны были явиться по первому требованію Въ

качествѣ же провожатаго согласился ѣхать хозяинъ дома Бертолино, который уже не одинъ разъ отвозилъ въ Кіевъ душевнобольныхъ и слѣдовательно былъ человѣкомъ опытнымъ въ этомъ отношеніи. Выѣздъ былъ назначенъ 6-го августа. Шмургуновъ зналъ о предстоящей поѣздкѣ. Онъ очень нервничалъ, ему постоянно что-то мерещилось. Особенно раздражалъ его крикъ совы на домѣ, заслыша который онъ говорилъ, что это ему смерть предвѣщаетъ. Отъѣздъ въ Кіевъ въ указанный день не состоялся. День былъ прекрасный, и Шмургуновъ вздумалъ съѣздить на дачу къ викарію-епископу Веніамину на медь. Мѣстность, гдѣ она находилась, была очень живописная. Домикъ состоялъ изъ четырехъ небольшихъ комнатъ; предъ нимъ была площадка съ цвѣточными клумбами, сзади—садикъ. По пріѣздѣ ректоръ съ Веніаминомъ порядочно выпили и по обыкновенію спирту. Когда Шмургуновъ началъ хмелѣть, онъ вышелъ на дворъ и сталъ ломать вѣточки сливоваго дерева, отломить и тычетъ въ ротъ, какъ бы намѣреваясь пробить горло. Веніаминъ, увидѣвъ это, тотчасъ распорядился посадить Шмургунова въ фаязъ и отвезти его прямо въ городскую больницу. Я объ этомъ ничего не зналъ. На другой день встаю рано для того, чтобы присмотрѣть за происходящимъ ремонтомъ. Смотрю, по направленію ко мнѣ бѣгутъ жена ректора и дѣвочка. Я былъ еще босый, а потому хотѣлъ уйти въ комнату. Замѣтивъ мое намѣреніе, Шмургунова закричала: „о. Михаилъ, прошу подождать!“... Голосъ былъ очень тревожный, а потому я рѣшилъ подождать ее въ томъ видѣ, въ какомъ былъ.

Первый вопросъ, какой она задала мнѣ, былъ: „Вы не были въ больницѣ?“ „Ничего не понимаю, говорю, скажите опредѣленнѣе... Я въ больницѣ бываю часто (обыкновенно я исправлялъ тамъ требы), а сегодня нѣтъ“. Тогда Шмургунова, убѣдившись, что я ничего не знаю, сообщила, въ чемъ дѣло, и просила поспѣшить въ больницу съ нею. Смотримъ, и учитель А—ичъ подходитъ. Пошли втроемъ. Приходимъ въ больницу. Ректоръ выходитъ къ намъ изъ палаты въ халатѣ почему-то страшно красный. По просьбѣ является къ намъ смотритель больницы. Жена Шмургунова проситъ, Христомъ Богомъ умоляетъ его отпустить мужа домой, указывая на могущіе подняться толки по городу, что ректоръ попалъ въ больницу. Смотритель упорно твердилъ: больной уже занисанъ въ книгу, а потому выпустить его онъ не можетъ. Часто бывая въ больницѣ, я успѣлъ хорошо познакомиться со смотрителемъ и на основаніи этого сталъ его просить съ своей стороны. Пришлось употребить много краснорѣчія, чтобы убѣдить смотрителя исполнить нашу общую просьбу. Наконецъ онъ нашелъ

выходъ и рѣшился. Какъ разъ подвернулся какой-то другой, вновь прибывшій больнои; смотритель перемѣнилъ записъ въ книгѣ и отпустилъ съ нами ректора. Мы предлагаемъ ему ѣхать домой, а онъ, какъ будто не замѣчая этого, задаетъ вопросъ: „а церковь молится за самоубійцъ?“ Не подозрѣвая ничего худого, я говорю: „думаю, что за всѣхъ молится, особенно въ родительскую субботу; въ службѣ тогда перечисляются всякіе роды смерти; думаю, что и за самоубійцъ, особенно если они не сознательно лишаютъ себя жизни“. На шеѣ у него на шнуркѣ висѣлъ крестикъ. Смотрю, онъ начинаетъ закручивать шнурокъ, затягивать шею, какъ будто съ намѣреніемъ задушить себя. Потомъ вдругъ подбѣгаетъ къ открытому окну (это было на второмъ этажѣ) и дѣлаетъ видъ, что онъ хочетъ выскочить изъ него. Сняли съ ректора халатъ и переодѣли его въ собственный костюмъ. Вышли изъ больницы, здѣсь ожидалъ семинарскій фаятонъ. Ректоръ не пожелалъ ѣхать, а пошелъ до дому пѣшкомъ, разстояніе, положимъ, было небольшое. Поѣздка въ Кіевъ была отложена. Рѣшено было тщательно слѣдить за Шмургуновымъ и по очереди приходиться къ нему ночевать. Такъ было до 26 августа. Возвратившись въ этотъ день послѣ богослуженія домой, я только что прилежъ отдохнуть, какъ слышу стукъ въ дверь. На мой вопросъ знакомый служитель изъ больницы съ тревогою сказалъ мнѣ: „о, экономя, инспекторъ зарѣзался“. Я вскочилъ съ кровати, на бѣгу натянулъ подрясникъ и поспѣшилъ въ квартиру инспектора Мартыновскаго. По дорогѣ встрѣчаю его и спрашиваю: „что случилось?“

— Говорятъ, что ректоръ покойникъ, сказалъ онъ.

Приходимъ въ квартиру Шмургунова, входимъ въ кабинетъ, здѣсь была лужа крови и холодный трупъ. Изъ словъ жены, со слезами рассказавшей намъ о случившемся, мы узнали слѣдующее. Ректоръ съѣздивъ въ Троицкій монастырь исповѣдаться и по пути купилъ два складныхъ ножика большихъ размѣровъ. Жена, припрятавши водку, предложила ему обѣдать, но онъ не ѣлъ, а лишь переливалъ супъ изъ одной тарелки въ другую. Потомъ, жалуюсь на усталось, попросилъ приготовить постель въ кабинетѣ. Кровати здѣсь не было, а потому жена постлала для мужа на полу теплую рясу, оставила ему поѣсть грушъ и винограду, а сама удалилась въ другую комнату и стала подметать ее. Дѣвочка же играла въ куклы въ сосѣдней съ кабинетомъ комнатѣ на сундукѣ. Когда все стихло, ректоръ, вѣроятно, взялъ заранѣе купленный ножъ и такъ сильно ударилъ имъ по глоткѣ, что едва не пересѣкъ позвоночнаго столба и, конечно, обливаясь кровью, упалъ. Дѣвочка услышала, что въ кабинетѣ упало что-то, соскочила съ сундука, заглянула въ

комнату и увидала кровь. Въ страхѣ она выскочила и стремительно побѣжала на дворъ по направленію къ открытому колодцу. Бывшіе тутъ рабочіе Бертолино подняли крикъ. Жена Шмургунова, взглянувъ въ окно, увидѣла, что дочь въ опасности, побѣжала къ ней. Когда дѣвочка опомнилась, она рассказала о томъ, что видѣла. Поспѣшили въ кабинетъ, но уже было все кончено. О случившемся доложили преосв. Θεогносту, но онъ ничего не предпринялъ. На обратномъ пути нагоняетъ меня преосв. Веніаминъ и говоритъ: „Ѣду навѣстить ректора... Что тамъ слышно?“ Я сообщаю: „покончилъ съ собою; зарѣзался“. Веніаминъ приказалъ повернуть лошадей и поѣхалъ домой.

Въ квартирѣ ректора я засталъ докторовъ и полицію.

Произошло судебно-медицинское вскрытіе трупа, которое обнаружило, что Шмургуновъ вслѣдствіе пьянства страдалъ печенью и ожиреніемъ сердца, покончилъ же съ собою въ припадкѣ бѣлой горячки. Въ виду того, что, какъ было признано, ректоръ убилъ себя несознательно, погребать его торжественно не было воспрещено. Архіерей на похоронахъ все-таки не присутствовалъ.

Послѣ смерти прот. Шмургунова корпорація семинаріи, вслѣдствіе разногласія, не могла выбрать ректора, а потому Св. Синодъ по представленію преосв. Θεогноста назначилъ на должность ректора преподавателя Подольской семинаріи С.; при этомъ онъ выразилъ правленію замѣчаніе зато, что оно не сумѣло само выбрать себѣ главы.

При новомъ ректорѣ мнѣ недолго пришлось служить экономомъ. Въ виду разныхъ неприяностей я рѣшилъ въ 1878 году оставить семинарію и просить преосв. Θεогноста дать мнѣ приходъ. Владыка предоставилъ мнѣ с. Приворотье, Каменск. уѣзда, находящееся вблизи г. Каменца, для того, чтобы я удобнѣе могъ имѣть свѣдѣнія объ открытіи лучшихъ приходовъ. Черезъ 6 мѣсяцевъ я, дѣйствительно, и перешелъ въ с. Ляшевцы на р. Днѣстрѣ.

Въ виду того, что служба моя въ г. Каменцѣ падала на время архіерейства Леонтія, который былъ на Подольской кафедрѣ съ 1863—1874 года, не лишне сказать нѣсколько словъ объ этомъ епископѣ.

Я выше не разъ указывалъ, какъ преосв. Леонтій заботился о внѣшнемъ благоустройствѣ духовно-учебныхъ заведеній, въ особенности семинаріи; но онъ не ограничивался этимъ, а принималъ мѣры къ лучшей постановкѣ ихъ въ учебномъ и религіозно-нравственномъ отношеніи. Онъ часто посѣщалъ семинарію и вникалъ въ учебное дѣло. Нравственное воспитаніе семинаристовъ было предметомъ самой внимательной заботливости преосв. Леонтія; оно ос-

новывалось на религіи и совершалось подъ руководствомъ церкви. Всякіе неблаговидные проступки семинаристовъ непріятно на него дѣйствовали, и преосвященный всѣми мѣрами старался смыть темное пятно съ семинаріи, если оно какимъ-нибудь образомъ ложилось на нее.

Для обозрѣнія церквей епархіи и знакомства съ подвѣдомственнымъ ему духовенствомъ, преосв. Леонтій ежегодно совершалъ объѣзды. Ревизія его не ограничивалась только свидѣтельствомъ церковныхъ документовъ. Онъ вникалъ въ нужды духовенства, замѣчалъ недостатки въ религіозно-нравственной жизни ихъ прихожанъ и къ устраненію тѣхъ и другихъ принималъ мѣры. Онъ любилъ бесѣдовать съ батюшками запросто, а съ нѣкоторыми изъ нихъ находился чуть не въ дружескихъ отношеніяхъ. Онъ часто бывалъ, напр., у прот. Снѣгурскаго, жившаго въ с. Рудѣ, Каменецкаго уѣзда (въ 15 верстѣ отъ Каменца). Знакомство съ нимъ Леонтій не прервалъ и тогда, когда служилъ въ Одессѣ и Варшавѣ, а поддерживалъ перепиской. Въ одномъ изъ писемъ между прочимъ онъ писалъ: „Руду вашу помню и ту яблоню, подъ которой отдыхалъ и пилъ чай“...

Иногда преосв. Леонтій дѣлалъ „вылазки“, т. е. пріѣзжалъ въ то или другое село безъ предупрежденія. Однажды такимъ образомъ пріѣхалъ въ одинъ приходъ на литургію—настоятель тамъ былъ глубокой старичекъ—протоіерей. Церковь была почти безъ молящихся, тѣмъ не менѣе Леонтій предложилъ ему сказать поученіе. Отецъ протоіерей былъ изъ неученыхъ и, вѣроятно, никогда не говорилъ проповѣдей, а потому съ недоумѣніемъ спросилъ преосвященнаго: „о чемъ говорить?“ „Прочитайте дневное евангеліе и объясните“... Старикъ долженъ былъ подчиниться владыкѣ, вышелъ и началъ поучать народъ. Преосв. Леонтій не могъ удержаться отъ смѣха надъ импровизаторомъ, а, спустя нѣсколько дней, на обѣдѣ въ семинаріи вспоминая объ этой ревизіи, рассказывалъ: „что онъ (протоіерей) говорилъ, я не могъ понять, и думаю, что онъ и самъ не понималъ“.

Какъ епархіальный архіерей Леонтій былъ еще президентомъ каменецкихъ богоугодныхъ заведеній, но живого участія въ нихъ не принималъ и почти совсѣмъ не посѣщалъ ихъ. Разъ пріѣхалъ онъ въ семинарію. Зашла рѣчь о больницѣ, которая находилась чрезъ кварталъ. Преосвященный, какъ бы внезапно вспомнивъ про свою святительскую обязанность посѣщать больныхъ, изъявилъ желаніе поѣхать туда. Въ виду того, что мнѣ часто приходилось бывать въ больницѣ для требисправленій, меня избрали въ руководители. Вмѣстѣ съ Леонтиемъ поѣхали ректоръ и инспекторъ.

Преосв. Леонтій переходилъ изъ палаты въ палату, благословлялъ больныхъ, разговаривалъ съ ними. Дошли до палаты умалишенныхъ. Здѣсь между другими находился бывший профессоръ семинаріи Оливницкій. Ему предложили подойти подъ благословеніе къ владыкѣ, но его интересовало другое. Онъ подошелъ къ ректору, потрогалъ его бороду— „хорошая борода“, говоритъ, „и у него хорошая (т. е. у меня)“; дошелъ чередъ до архіерея: „а вотъ у него скверная, скверная борода“. Смотритель больницы, желая отвлечь мысль Оливницкаго на другой предметъ, сказалъ: „а у васъ, Никифоръ Ивановичъ, новые чулки и туфли“... „Новые?“ и съ этимъ словомъ моментально сбросилъ туфлю съ ноги, такъ что она пролетѣла въ воздухъ подъ самымъ носомъ преосвященнаго. Онъ поспѣшилъ выйти изъ палаты.

Въ послѣдній годъ служенія преосв. Леонтія въ Каменцѣ, у него вышли непріятности съ кафедральнымъ прот. Новицкимъ изъ-за родственника послѣдняго свящ. Хмѣлевскаго. Хмѣлевскій былъ человѣкъ молодой, горячій и мстительный. Не получивши просимаго прихода, онъ началъ донимать Леонтія пасквильными анонимными письмами. Такъ, разъ нарисовалъ архіерея и дитя и подписалъ: „се азъ и чадо мое“. Скоро стали угадывать, кто авторъ анонимовъ, и Леонтій началъ выговаривать за родственника Новицкому. Тотъ защищалъ Хмѣлевскаго и, конечно, подвергся за то владычной немилости. Въ одинъ прекрасный день Новицкій оказался уволеннымъ за штатъ, да еще безъ опредѣленныхъ средствъ къ существованію. Онъ не хотѣлъ оставить этого дѣла и, какъ обиженный, писалъ бумагу въ Св. Синодъ. И вотъ въ то время, когда происходили чествованіе и празднества по случаю отъѣзда преосв. Леонтія въ Одессу, приходитъ указъ изъ Синода, которымъ Новицкій назначается соборнымъ ключаремъ. Это непріятно подѣйствовало на Леонтія, который такимъ образомъ считалъ себя побѣжденнымъ въ этомъ дѣлѣ. Вообще же преосв. Леонтій пользовался въ Подоліи уваженіемъ и горячею любовью.

В. Сл. и Ѳ. Ф—ко.

